

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 321.8

Поляков Александр Валериевич**ГЕНЕРАЛИЗИРОВАННОЕ ДОВЕРИЕ КАК ОСНОВА
ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА**

В статье рассматривается обобщенное (генерализованное) доверие и источники его возникновения, определяются источники социального капитала, а также анализируются институты способные генерировать социальный капитал.

Ключевые слова: обобщенное (генерализованное) доверие, социальный капитал и его источники, политические институты, коррупция.

Polyakov Alexander V.**GENERALIZED TRUST AS A BASIS FOR DEMOCRATIZATION
OF MODERN POLITICAL SPACE**

The article considers generalized trust and sources of its origin, identifies the sources of social capital, as well as analyzes the institutions capable of generating social capital.

Key words: generalized trust, social capital and its sources, political institutions, corruption.

Обобщенное (генерализованное) доверие является сердцем социального капитала как интегральной и обязательной части любой демократической политической культуры. Общеизвестно, что сложно направлять все силы на решение общественных проблем, не будучи уверенным, что другие участники делают то же самое. Мы солидарны с мнением Элинора Осторм о том, что эта проблема является главной фундаментальной проблемой любой организации, в том числе и политической, или всего общества [1]. Обобщенное доверие свидетельствует о потенциальной готовности не знакомых друг с другом граждан сотрудничать на общественном/политическом уровне. Отметим, что при этом они выходят за границы круга родственников, друзей и просто знакомых. Важно отличать обобщенное доверие от частного или персонального доверия, основанного на знании [2].

Наличие в обществе обобщенного доверия имеет большое значение, поскольку снижает неопределенность в отношении будущих сценариев социального и политического развития и избавляет от необходимости постоянно реагировать на возможные проявления оппортунизма. Доверие усиливает готовность людей идти на риск ради позитивных общественно-политических изменений. Оно обеспечивает мягкое гармоничное функционирование социальных, в том числе и политических организаций и минимизирует необходимость в бюрократии, которая навязывает образцы поведения людям, не доверяющим друг другу.

В политической сфере генерализованное доверие позволяет людям определять свое место в тех социально-политических группах, которым они симпатизируют, и упрощает политическую мобилизацию для проведения совместных акций. В социальной сфере доверие смягчает противоречия в транзитивных обществах, способствует воспитанию толерантности и приучает прислушиваться к мнению оппонентов. Жизнь в разобщенных обществах при наличии обобщенного доверия налаживается легче и быстрее [2 с. 43].

Многие авторы отмечают, что генерализованное доверие связано с уровнем не только политического, но и экономического развития общества. Более того, его называют в качестве дополнительной предпосылки для экономического роста, наряду с такими институциональными аспектами как защита прав собственности и развитие договорных отношений [3]. Большое влияние генерализованное доверие в обществе оказывает на демократическую стабильность и демократию в целом [4].

Однако источники возникновения обобщенного доверия остаются малоизученными. Вопрос о том, почему жители одних стран, регионов или поселений доверяют друг другу, способны действовать совместно и решать свои коллективные проблемы, в то время как другим это не удастся, остается одним из самых интересных в дебатах по поводу социального капитала.

В литературе по социальному капиталу наблюдается четкое разделение по вопросу об условиях и источниках его происхождения. Одни исследователи придерживаются государственно-центристского подхода (Банфилд, Путнем, Фукуяма). Сторонники этого подхода считают, что способность общества производить социальный капитал среди своих членов определяется многовековым опытом социальной организации, его историческим и культурным развитием.

Государственно-центристский подход рассматривает регулярное социальное взаимодействие, осуществляемое в основном в форме членства в добровольных гражданских ассоциациях, как основной механизм генерирования социального капитала, хотя менее формальные виды социального взаимодействия и возникают в ходе текущей деятельности. В русле тосквеллиановской традиции формальные и неформальные ассоциации рассматриваются как создатели социального капитала вследствие социализирующего эффекта демократических и кооперативных ценностей и норм. Однако при таком подходе обнаруживаются три проблемы.

Во-первых, добровольные ассоциации не всегда выполняют возложенную на них роль по созданию социального капитала. Членство в гражданских ассоциациях далеко не всегда сопровождается желанием ее членов сотрудничать за рамками организации. Ряд исследований показал, что участие в деятельности добровольных ассоциаций не создает социальный капитал, который может быть использован в более широких общественных сферах [5].

Во-вторых, существуют теоретические трудности при отделении различных типов социального взаимодействия друг от друга. Проблема заключается в том, что до сих пор не создана микротеория социального капитала, которая определяла бы те аспекты социального взаимодействия, которые важны для его создания.

Третья проблема касается определения источников социального капитала. Общепринятой является точка зрения о том, что уровень развития социального капитала в том или ином обществе детерминирован долгой исторической ретроспективой (например, различия между северной и южной Италией уходят корнями в XII столетие). Но в таком случае, какие приемы и методы из арсенала современных политиков можно считать эффективными в процессе стимулирования и развития социального капитала?

В качестве реакции на проблемы государственно-центристского подхода возникает институционально-центристский подход. Его сторонники (Берман, Леви, Тарроу и др.) придерживаются мнения о том, что для процветания социального капитала необходима его связь с политическими и правовыми институтами. Эти авторы считают, что социальный капитал не существует независимо от политики и правительства только в сфере гражданского общества. В реальности правительственные и политические институты создают, транслируют и влияют на уровень и тип развития социального капитала в обществе. Их воздействие также сказывается на способности граждан развивать сотрудничество и увеличивать степень общественного доверия. Почти все исследователи, поддерживающие такой подход, утверждают, что институциональная инженерия может быть использована для создания социального капитала, хотя различные авторы и расходятся в вопросах временных горизонтов такого воздействия.

В отличие от государственно-центристской модели, институциональная модель больше вписывается в контекст политической науки. В конце XX в. – начале XIX в. в ее недрах наблюдался повышенный интерес к изучению институционального эффекта. Этот «новый институционализм» в основном фокусировался на важности использования институтов как свободных составляющих в различных теоретических моделях.

Дж. Петерс отмечает, что концепции социального капитала и гражданского общества подтверждают, что без правильного позиционирования социальных ценностей структурные манипуляции и построения не будут обладать серьезной эффективностью [6]. Автор обращается к работе о демократизации А.Стефана и Х.Линца, которые подчеркивают важность построения институтов для поддержки процесса смены ценностных ориентаций в транзитивных обществах и стабилизации нарождающейся демократии. Петерс утверждает, что в случае построения эффективных институтов и успешного менеджмента, правильные ценности будут поддержаны.

Схожие аргументы приводились и Э. Остромом, подчеркивавшим важность институциональных установлений, облегчающих принятие решений в неоднородном сообществе. На практике это означает, что институты должны воспитывать лидеров, которые способны действовать в большей степени как ответственные граждане, чем утилитарные рационалисты [7].

Институциональные аргументы в отношении концепции социального капитала можно разделить на две группы: позиционный и институционально-структуральный подходы. Исследователи – сторонники позиционного подхода фокусируют свое внимание на отношениях между институциональным (политическим) доверием и генерализованным доверием. Одни из них полагают, что существует корреляция между этими двумя видами доверия, другие видят в генерализованном доверии предвестник доверия политического [8]. К. Ньютон и П. Норрис, интерпретируя статистические данные по тринадцати демократическим странам, находят доказательства того, что социальный капитал «может способствовать построению эффективных социальных и политических институтов, которые обеспечат эффективную работу правительства, что, в свою очередь, увеличит доверие к гражданским институтам» [9]. Этот аргумент лежит в русле логики Р. Путнема, утверждавшего, что деятельность регионального правительства зависит от уровня регионального социального капитала. Однако проблема заключается в том, что на практике бывает чрезвычайно сложно разграничить эти две формы доверия.

Институционально-структуральный подход концентрирует внимание на роли государства как источнике генерирования социального капитала. К примеру, С. Тарроу утверждает, что «государство играет фундаментальную роль в воспитании гражданских способностей» [10]. По мнению Леви, правительство может реализовать свою способность генерировать доверие только в том случае, если граждане считают само государство достойным доверия [11, с. 86]. В научных кругах ведутся дискуссии об эффективности государственных институтов на пути создания социального капитала, а также о степени доверия к ним со стороны граждан.

Краткий обзор подходов к определению источников социального капитала позволяет сделать следующие выводы:

государственно-центристский подход является сугубо теоретическим и отличается недостаточностью эмпирических данных;

институционально-структуральный подход оставляет за рамками исследования вопросы о том, какие именно институты и каким образом участвуют в создании социального капитала.

Важность вопроса о политических институтах, способных генерировать социальный капитал, трудно переоценить, поскольку их количество в любой политической системе, будь то демократический или авторитарный режим, огромно. Способы их комбинации внутри институциональной системы тоже различны. Каким из институтов политической системы (электоральным, законодательным, военно-политическим, административным и т.д.) принадлежит первенство в этом процессе, было и остается предметом дискуссии.

Проблему представляет также тот факт, что многочисленные формы институционального доверия объединяются «под одним лейблом». Например, все осведомлены о таких формах доверия, как вера в политиков, в функционирование демократических институтов и в людей, которые этим занимаются, доверие к демократической системе в целом. Однако в политической литературе не проводится разделение между доверием к институтам репрезентативной стороны политической системы (на уровне партий, парламентов, кабинетов и т.д.) и ее имплементарной (исполнительной) стороны. Последний тип институтов зачастую остается за рамками дебатов в отношении социального капитала [11, с. 96]. В то же время, следует принимать во внимание то, что благополучие граждан обычно находится в большей зависимости от деятельности исполнительных институтов, чем от тех, которые поддерживают или представляют их интересы или идеологию. Получать защиту со стороны полиции или судебных органов, доступ к здравоохранению и образованию является жизненной необходимостью для многих людей.

Существуют теоретические причины для размежевания таких двух типов доверия. Политическим институтам, находящимся на репрезентативной стороне, очень важно иметь сторонников и приверженцев. Политическая партия, формирующая правительство или представляющая большинство в парламенте, проводит свою идеологическую линию через своих сторонников. Так, те люди, которые поддерживают идеологию правящей партии, ей доверяют, те же, кто находится в оппозиции, – нет. Например, муниципальное руководство, сформированное парти-

ей, которую поддерживает гражданин, может рассматриваться в качестве его политического агента. В этом случае у него имеется доверие к правительству, по крайней мере, до тех пор, пока он поддерживает проводимую им политику, а оно, в свою очередь, сдерживает свои предвыборные обещания. Но человек, придерживающийся оппозиционных взглядов, испытывает недостаток доверия к этому же правительству, тем более, если правящая партия придерживается провозглашенного курса [12, с. 11–12].

Связь между двумя этими феноменами не очевидна, поэтому трудно проследить их воздействие на генерализированное доверие в том или ином обществе. Именно поэтому мы обычно обнаруживаем сильную корреляцию между политическими пристрастиями и политическим доверием, но слабую корреляцию между доверием к этому типу политических институтов и социальным доверием [9, с. 26]. Неясность механизма взаимоотношений между генерализированным доверием и доверием политическим связана также с неудавшимися попытками классификации связей между различными типами политических институтов и вызываемым ими институциональным доверием.

Б. Ротштейн и Д. Столле отмечают, что полиция и институты власти, отвечающие за претворение в жизнь социальной политики (в терминологии авторов, бюрократы «уличного уровня»), оказывают иное институциональное влияние, чем институты, относящиеся к законодательной и исполнительной ветвям власти [12, с. 12–13]. Они утверждают, что эти институты непосредственно соприкасаются с важнейшими аспектами жизни граждан, включая вопросы безопасности жизнедеятельности, а потому их влияние на граждан отличается повышенной социализацией.

Авторы объясняют это несколькими причинами.

Во-первых, деятельность указанных институтов отличается долгосрочным характером, в отличие от краткосрочных, политически ангажированных институтов или добровольных ассоциаций.

Во-вторых, поскольку их работа предполагает непосредственный контакт с гражданами, они получают представление о преобладающей политической культуре, оказывающей воздействие на формирование надежд и ценностей людей. Для людей важна вера в эти институты, а последние, через доверие граждан отражают идеалы универсализма, равенства перед законом и беспристрастия, а также стремятся к высокой эффективности своей деятельности. Беспристрастность и честность представителей институтов «уличного уровня» является важной предпосылкой роста институционального доверия и в большой степени оказывает влияние на формирование генерализированного доверия.

В-третьих, эти институты выполняют специальную задачу охраны общественного порядка, что также воздействует на формирование паттернов социального доверия. В случае если эти институты успешно справляются с поставленной перед ними задачей, граждане понимают неотвратимость наказания за подобные преступления и меньше беспокоятся о собственной безопасности, веря в то, что большинству людей можно доверять.

Связь между коррупцией и социальным капиталом, несомненно, существует, но она может трактоваться двояко.

С одной стороны, в обществе, где люди не доверяют власти, судебной системе и полиции, они будут компенсировать этот недостаток доверия усилением социальной сетевой работы и возрастанием доверия друг другу. Таким образом, общество как бы «принуждают» к кооперации. Как отмечает М. Вулкук, процветание коррупции, бюрократические барьеры, угнетение гражданских свобод, отсутствие защиты прав собственности и главенства закона вынуждает общество поддерживать в частном порядке и неформально то, что должно осуществляться публично и формально [13]. Зачастую такими характеристиками отличается гражданское общество при тоталитарном и авторитарном режимах.

С другой стороны, неэффективная, коррумпированная, несправедливая административная система не позволяет возникать никакой форме доверия, в том числе и межличностному. Иными словами, если граждане верят в институциональную эффективность, честность и беспристрастность судебной системы и полиции, это усиливает генерализированное доверие граждан друг другу.

Исследование, проведенное Б. Ротштейном и Д. Столле [12, с. 18–19], продемонстрировало, что институциональная эффективность и честность:

- влияют на индивидуальное ощущение безопасности и степень доверия к другим людям;
- определяют перенос индивидуального восприятия тех структур, которые наделены обязанностями по защите общественных интересов, на других людей (например, если указанные структуры не заслуживают доверия, то и большинству других людей тоже нельзя доверять);
- создают образец поведения для рядовых граждан (так, посыл коррумпированной системы гласит, что для получения доступа к общественным благам человек должен быть вовлечен в разнообразные коррумпированные схемы);
- аккумулируют опыт прямого общения с политическими институтами, который может быть как положительным, так и отрицательным (взаимодействие с коррумпированными институтами порождает ощущение дискриминации и несправедливости, что негативно сказывается на генерализированном доверии в обществе).

Таким образом, индивидуальное чувство защищенности и безопасности, анализ паттернов поведения представителей элит и других граждан, а также опыт, связанный с дискриминацией прав и свобод, вносят свой вклад в формирование генерализированного доверия. Когда граждане наблюдают свидетельства существования институциональной коррупции, ненадежности политиков, продажности полицейских и судей, ухудшения криминогенной обстановки, они в меньшей степени склонны доверять кому бы то ни было. Исследование на основе социологических данных, полученных в ходе социологического исследования в ряде государств Латинской Америки, подтвердило, что наличие коррупционной составляющей не только подрывает легитимность политической системы, но и снижает уровень взаимного доверия в обществе [14].

Литература

1. Ostrom E. A Behavioral Approach to the Rational Choice Theory of Collective Action // American Political Science Review, 1998, 92 (1): 1–23.
2. Uslaner Eric. The Moral Foundation of Trust. New York: Cambridge University Press, 2002
3. Zak Paul J., and Stephen Knack. 2001. Trust and Growth. Economic Journal 111 (470): 295–321
4. Inglehart Ronald. 1999. Trust, well-being and democracy. In Democracy & Trust, edited by M. E. Warren. New York: Cambridge University Press.
5. Hooghe Marc, and Dietlind Stolle, eds. 2003. Generating Social Capital: The Role of Voluntary Associations, Institutions and Government Policy (forthcoming). New York: Palgrave / Macmillan. Rothstein, Bo. 2002. Sweden: Social Capital in the Social Democratic State. In Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society, edited by R. D. Putnam. Oxford: Oxford University Press.
6. Peters, Guy B. Institutional Theory in Political Science: The 'New Institutionalism'. London: Pinter, 1999. P. 88.
7. Ostrom, Elinor. 2000. Crowding out Citizenship. Scandinavian Political Studies 23 (1): 3–16.
8. Rothstein B., Stolle D. How Political Institutions Create and Destroy Social Capital: An Institutional Theory of Generalized Trust // Paper to be presented at Collegium Budapest, Project on Honesty and Trust: Workshop 2, November 22–23, 2002.
9. Newton K., Norris P. Confidence in Public Institutions// Disaffected Democracies. What's Troubling the Trilateral Countries. Princeton: Princeton University Press, 2000.
10. Tarrow Sidney. 1996. Making Social Science Work Across Space and Time: A Critical Reflection on Robert Putnam's Making Democracy Work. American Political Science Review 90 (3). P. 395.
11. Levi Margaret. 1998. A State of Trust. In Trust & Governance, edited by V. Braithwaite and M. Levi. New York: Russell Sage Foundation. P. 86.
12. Rothstein B., Stolle D. How Political Institutions Create and Destroy Social Capital: An Institutional Theory of Generalized Trust. P. 11–12.
13. Woolcock Michael. 2001. The Place of Social Capital in Understanding Social and Economic Outcomes. ISUMA – Canadian Journal of Policy Research 2 (1):12. P. 16.
14. Seligson Mitchell. 2002. «The Impact of Corruption on Regime Legitimacy: A Comparative Study of Four Latin American Countries,» in Journal of Politics 64 (2): 408–433.